

С. Н. Уваров**Неопубликованные блокадные воспоминания ленинградцев
из фонда Н. А. Королевой**

Приводится заключительная часть ранее неопубликованных блокадных воспоминаний из фонда Нины Александровны Королевой, хранящегося в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (фонд Р-1703). В годы Великой Отечественной войны Н. А. Королева жила в блокадном Ленинграде, а после ее окончания оказалась в Ижевске. Будучи активным участником Совета ветеранов, она в 1998—1999 гг. зафиксировала сохранившиеся у бывших земляков впечатления о военном времени. В завершающую подборку вошли мемуары шестерых жительниц Ленинграда. Самая старшая из них была 1920 года рождения, самая младшая — 1931 года рождения. Их авторы делятся своими ощущениями от начала блокады, передают подробности своей повседневной жизни во время нее. В воспоминаниях рассказывается о стратегиях выживания семей респондентов. Блокадники описывают свою трудовую деятельность, из чего можно сделать вывод об их вкладе в Победу. Эмоциональными выглядят сведения о снятии блокады. В ряде воспоминаний содержатся подробности об эвакуации из Ленинграда на Большую землю и далее в другие города. Данные документы личного происхождения в русле истории повседневности расширяют наши знания о Великой Отечественной войне, в частности о блокаде Ленинграда. Публикуемые воспоминания дополняют уже известные и помогут противостоять попыткам переписать историю.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, воспоминания, история повседневности, блокада Ленинграда, эвакуация, дети войны.

Введение

С каждым годом все больше становится попыток тем или иным образом реабилитировать преступления нацизма во время Второй мировой войны. В частности, возникает все больше различных интерпретаций блокады Ленинграда, вплоть до того, что «Нюрнбергский процесс не доказал виновность немцев в организации голода» [4]. Разоблачить подобные попытки возможно лишь обращением к историческим источникам, активной их публикацией.

Целью данной статьи является введение в научный оборот ранее неопубликованных воспоминаний блокадников. Мемуары являются одним из самых эмоциональных видов источников. К настоящему времени опубликован уже значительный объем дневников и воспоминаний о блокаде (см. библиографию [3]). Однако многое еще ждет своего исследователя. Большая работа ожидает региональных историков, поскольку в ходе эвакуации многих ленинградцев разбросало по всей стране, и не все они впоследствии вернулись обратно [5]. Помимо собственно воспоминаний о блокаде, они содержат еще информацию о переезде, что делает их вдвойне ценным источником. Особое место среди воспоминаний занимают детские. Дети все воспринимают по-своему, поэтому детская память может запомнить то, на что не способны взрослые [1; 2; 6; 8; 9; 16].

Многие блокадники оказались в Удмуртии [7; 10; 11; 15]. Благодаря этому в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики появился небольшой фонд (Р-1703) Нины Александровны Королевой — уроженки Ленинграда, ветерана Великой Отечественной войны. Начало блокады города Нина Александровна встретила школьницей 7-го класса. Осенью 1942 г. вступила в комсомол и стала бойцом противопожарного комсомольского взвода при Смольном. Почти полгода вместе с такими же школьницами она несла дежурства на чердаках. В июле 1943 г. была награждена медалью «За оборону Ленинграда». После войны Нина Александровна получила высшее образование в Ленинграде, трудилась в Челябинске, а затем переехала с семьей в Ижевск. В столице Удмуртии

© Уваров С. Н., 2022

Н. А. Королева работала в Совете ветеранов Октябрьского района, следила за тем, какая помощь оказывалась блокадникам Ленинграда. К 1999 г. в Ижевске их осталось около ста человек [12]. На своих встречах блокадники делились воспоминаниями, рукописные копии которых составили отдельное дело в фонде Р-1703. Поскольку в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики подобные фонды автором больше не обнаружены, то заслуга Нины Александровны Королевой в сохранении исторической памяти видится просто огромной.

Всего в деле 12 воспоминаний, датированных 1998—1999 гг. Из них уже опубликовано шесть: Зыковой Евгении Сергеевны — в ижевской газете «День» (№ 19 от 6.02.1999), еще пять — в научной литературе [13; 14]. Заключительная половина из собранных Н. А. Королевой эго-документов приводится ниже. Написаны все тексты одним почерком, скорее всего, Ниной Александровной. Каждое воспоминание озаглавлено, после заголовка дается небольшое биографическое описание.

В настоящей публикации приводятся мемуары шестерых ленинградок, начиная с самой младшей и заканчивая самой старшей из них. Таким образом, ранжирование проведено по возрасту респонденток. Авторский стиль сохранен.

«Мама вернулась с работы, а отец уже умер...»

Воспоминания Тимофеевой Марии Васильевны (урожденной Пальцевой) 08.02.1931 года рождения, проживавшей в Ленинграде, в Выборгском районе по Красногвардейской ул. 51, д. 7¹, кв. 3. В 24 года лишилась руки и с тех пор инвалид 1 группы

Война началась, мне было 10 лет. В семье был еще брат. Папа был на фронте ранен. Его отпустили домой. Мама с братом ушли копать окопы. Отец сидел на кровати. Я играла в куклы. Мама вернулась с работы, а он уже умер. Похоронен на Серафимовском кладбище. Мама потом тоже умерла от голода. Похоронена тоже на Серафимовском, а брата снесли в морг на Черной речке. Я думала, что он тоже похоронен на Серафимовском, но недавно узнала, что все трупы, которые были на Черной речке, сожгли в печах абразивного завода. Теперь я считаю, что его могила на Пискаревском кладбище.

Записано по телефону со слов Марии Васильевны [17, л. 23].

«Мы остались в Ижевске»

Воспоминания Бочкаревой Галины Александровны, 25.04.1929 года рождения. Жила в Ленинграде по ул. Комсомола 33-3. Эвакуирована в августе 1942 г. в Новосибирскую область. Инвалид

Когда началась война, мне было 12 лет. Было лето. Мы жили на даче на станции «Всеволожская». Папа, брат и сестра приезжали к нам по выходным. 22 июня в воскресенье объявили войну. Вся семья вернулась в Ленинград. В поездах было так тесно, что мы еле-еле втиснулись и кое-как доехали до города. В ночь с 6 на 7 сентября 1941 г. в 18 часов немец прилетел в Ленинград, сделал разведку. Мы с мамой пошли на крышу нашего дома. Там стояли бочки с водой и ящики с песком для тушения зажигалок. Но в этот вечер все было спокойно. В 23⁰⁰ снова объявили воздушную тревогу, немец стал бомбить. Мы жили недалеко от Финляндского вокзала. Вокруг были заводы, вот он и бомбил нас. Бомба попала в наш двор, где были сложены бетонные трубы. Туда угодила бомба весом 500 кг. Во дворе стоял 4-этажный деревянный флигель. Его сразу разбомбило, а наш каменный дом дал трещину. Мама с папой состояли в команде МПВО. Папа пошел на чер-

¹ Так в источнике.

дак, и его выбросило взрывной волной со второго этажа вместе с рамами и кувырало до другого дома. Его всего ранило стеклом. Он зашел в инкассаторский пункт, где военный охранял деньги. Папа спросил его: «Глаза-то у меня целы?» А глаза заливала кровь. Военный дал ему платок протереть глаза. Папа спустился к нам в бомбоубежище. От взрыва повывлетали все окна, свет погас. Управдом принес нам свечи, а сам собрался в штаб. Женщины упрашивали его пока не ходить, так как шла сильная бомбежка. Но он пошел и попал под взрывную волну. Утром его собирали по частям, где рука, где нога, где голова.

В ночь с 6 на 7 сентября немец разбомбил Бадаевские склады с продовольствием, и после этого нам убавили хлебный паек. Мы получали 125 граммов, а рабочие 250. Склады от нас находились далеко, но зарево от пожара было такое, что брось у нас иголку и найдешь. Разбомбили и наш дом, все рамы со стеклами повывлетали. Папа забил их фанерой, но щели были такие, что спать нам приходилось в пальто, в ватниках, шалях. А в 6 часов утра ждали, когда откроют магазин, чтобы выкупить свой кусочек хлеба. Муки в городе было мало, поэтому в хлеб добавляли древесину. Хлеб был сырой и тяжелый. Принесешь его домой, нарежешь кусочками и понемногу сушишь на печурке. Согреешь кипятку и ешь хлеб. У нас было четыре бутылки уксуса, и мы макали в него хлеб вместо сахара. Я ходила на Финляндский вокзал. Возьму чайник с водой (кипятком), эвакуированным налью, а они мне за это дают кусочек хлеба. Ходили по помойкам, собирали кости голые, сварим их, а там жиринка за водинку покажется и хлебаем уже его без хлеба. Стали люди умирать. Первым умер папа 16 января 1942 г. Брат 1916 года рождения умер от голода 1 февраля 1942 г. У одной сестры открылась на ноге рана от цинги, а у второй цинга была во рту: все зубы шатались, и когда нам добавили паек, сестра уже не могла есть даже моченый хлеб. Откусит, а у нее кровь черная сочится из десен. Умерла она 27 мая 1942 г., вторая сестра 1921 года рождения умерла на следующий день. Гробы делать было некому. Мы с мамой зашили их в одеяла и увезли на тележке на Богословское кладбище. Но схоронили мы их в одну могилу, а не в братскую, которые взрывали динамитом и бросали по 50 человек.

После их смерти я пошла платить за квартиру в ЖАКТ. Меня спросили, похоронили ли мы сестер. Я сказала: «Да». И мне сказали, что нужно эвакуироваться, а то карточек на август не дадут. И вот мы с мамой эвакуировались 26 августа 1942 г. в Новосибирскую область, станция Тяжим, в деревню, где прожили 7 месяцев. А потом мамин брат сделал нам вызов в Ижевск.

Я пошла работать и учиться в вечернюю школу. Мне еще не было 14 лет. Так и остались мы в Ижевске, потому что мама обратно в Ленинград не поехала.

24.12.98 [17, л. 4—5 об.]

«Мой двоюродный брат ползал по полу в поисках крошки хлеба...»

Воспоминания Розенберг Веры Александровны (урожденной Ворониной), 14.03.1929 года рождения, проживавшей в Ленинграде по проспекту Ленина, д. 37, кв. 36

Когда началась война, мне было 12 лет. Я должна была учиться в 5 классе (тогда в школу поступали с 8 лет). Еще летом нас отправили в Новую деревню на сельхозработы (блокада еще не началась). Мы там работали на прополке овощей на казарменном положении. В первых числах сентября, когда немец подошел близко, мы вернулись в город. Дежурили на крыше своего дома. Наблюдали с крыши, как горел зоопарк. Он тоже находился на Петроградской стороне. Когда начался голод, наша семья благодаря бабушке, пережившей японскую и германскую войны, немного запаслась продуктами. Мы ходили на поля, собирали зеленые капустные листья и засолили их. Это называлось хряпой. Но

все равно было очень холодно и голодно. Со станции Рузаевка, где мамин зять (муж маминой сестры, моей тети) учил молодых летчиков, нам привезли на самолете посылку с сухарями. Никогда не забуду, как маленький мой двоюродный братик (сын брата мамы) ползал по полу в поисках оброченной крошки этих сухарей, а во время полета пропахли бензином¹. У моего дяди было двое малышей. Они оба погибли от голода.

В пятом классе я училась с большими перерывами и в сентябре 1942 г., когда хлеба уже давали по 150 граммов, вместе с тетей эвакуировалась на станцию Рузаевка. Там я снова стала учиться в пятом классе и в апреле 1944 г. вернулась в Ленинград к маме.

В город еще просто так не пускали. Мне пришлось завербоваться в ремесленное училище, но по возвращении в Ленинград я начала учиться в школе имени Ушинского на Петроградской стороне. Между прочим, автор знаменитой одно время книги «Тарантул, или Зеленые цепочки», работая над книгой, взял за основу наш класс.

Когда я приехала в Ленинград на Московский вокзал из эвакуации, прямо с вокзала я поехала к маме на работу. Она всю блокаду проработала экономистом в Доме книги (Невский 26/28) напротив Казанского собора. Я увидела, какие разрушения были нанесены Невскому немецкими бомбами и снарядами.

Окончив школу, я поступила учиться в ЛЭТИ (Электротехнический институт), потому что он находился на Петроградской стороне. После окончания института меня направили работать на Ижевский мотозавод, где я проработала до пенсии, на всю жизнь связав себя с Ижевском [17, л. 24—24 об.].

Война застала меня в Ленинграде...

Воспоминания Косаревой Парасковьи Матвеевны, 23.02.1922 года рождения, студентки планово-экономического института в г. Ленинграде, проживавшей в Ленинграде по адресу: Гисляровский пр. 7А. Эвакуирована в марте 1942 г. в г. Тулу. Инвалид 2 группы (костноартрит)

У каждого человека есть периоды, которые остаются в памяти на всю оставшуюся жизнь. Война меня застала в Ленинграде, где я училась в политехническом институте (ЛПИ)². Уехали немногие. В основном добровольно остались многие студенты.

Студентов перевели на казарменное положение. До глубокой осени 1941 г. работали в Карело-Финской ССР под г. Выборгом по укреплению рубежей.

Рыть противотанковые рвы было очень трудно. Приходилось стоять по колено в воде (место было болотистое). Обстреливали нас ежедневно по нескольку раз. Ходить в лес в одиночку было очень опасно. Нас перебрасывали с одного участка на другой.

По возвращении в Ленинград все мы пошли работать в эвакуогоспиталь, который располагался в здании нашего института. Работали санитарями. Обслуживать больных было очень и очень трудно, если учесть, что в Ленинграде в то время не было ни воды, ни света, ни соответствующего инвентаря, ни мыла. Работая в госпитале, мы получали рабочую карточку (250 граммов хлеба из муки с березовой корой). Силы нас постепенно покидали, а больных приходилось поднимать на носилках на второй, третий и четвертый этажи и спускать обратно по нескольку раз в день.

В городе объявляли по 12 тревог в день. Все санитары жили рядом с госпиталем. Большинство из нас были бойцами пожарной команды.

¹ Так в рукописи.

² Так в источнике. Ленинградский плановый институт был организован по постановлению Совета Народных Комиссаров СССР от 16 декабря 1930 года на базе планового отделения экономического факультета Ленинградского политехнического института (ЦГА СПб. Ф. Р-3364).

Силы постепенно оставляли нас. Было несколько случаев, когда во время уборки палат или дежурства на крыше теряли сознание. Приходилось лежать до тех пор, пока не заметит кто-нибудь. Наконец, наступило время, когда мы были вынуждены уйти из госпиталя: пользы от нас было мало.

Армия студентов, которых силы покинули, росла. Все мы, юноши и девушки, жили в одной комнате. Так было веселее и теплей. Каждый день, держась за руки, парами шли в столовую, чтобы получить одну ложку заварихи (мучная каша).

Страх перед смертью не было. Было безразличие ко всему; даже ни один мускул не дрогнет, когда видишь трупы на улицах. Случаи смертности увеличились и среди студентов, особенно среди юношей. Они особенно ощущали недостаток в еде. Искали пищу всякими путями: вымачивали ремни из свиной кожи и грызли их, ели горчицу, конский навоз, ползали по мусорным ямам госпиталя, надеясь найти что-то съедобное.

Жили мы на третьем этаже. Трупы умерших студентов приходилось спускать, обвязав веревками, волоком по ступенькам лестницы.

4 марта 1942 г. половине студентов нашего института по состоянию здоровья предложили эвакуироваться. В этот список попала и я.

5 марта мы выехали. Сначала ехали поездом, а через Ладожское озеро переправлялись на грузовых открытых машинах под сильным артиллерийским обстрелом.

Нас везли через Урал. Я — тулячка. До Тулы я добралась через один месяц и 12 дней. Тулу в это время тоже бомбили по несколько раз в день.

Больше полугода я лежала почти без движения. Организм был сильно истощен. Врачи запретили мне двигаться. У меня открылся острый ревматизм, опухли суставы. Ленинградцы находились под особым наблюдением врачей [17, л. 26—27 об.].

В госпитале

Воспоминания Кузнецовой Елизаветы Николаевны, 1922 года рождения, проживавшей в Ленинграде на Петроградской стороне

Перед войной я закончила медицинский техникум в Ленинграде и только не успела получить диплом. Известие о войне застало нас в цирке. Нас, еще недипломированных медсестер, привезли на военную службу. Наша часть прибыла в г. Кексгольм, незадолго до момента, когда сомкнулось кольцо блокады. Попытки ворваться на Большую землю успеха не имели. В ноябре 1941 г. наша часть прибыла в Ленинград. Я была ранена осколком в левую ногу и попала в госпиталь. После выздоровления меня оставили в этом же госпитале старшей сестрой. Госпиталь 992 располагался в двух зданиях: института глухонемых и школы-десятилетки. В госпитале, как и всюду в Ленинграде, не работал водопровод и канализация, не было света. Для освещения пользовались самодельными светильниками, так называемыми «коптилками». Воду привозили на машине только для пищеблока. Ее приходилось поднимать на этажи. В туалетах стояли параша. Их тоже опорожняли, таская вниз ведрами.

Поступающих раненых нечем было обмыть и согреть. Первое время старались тяжело раненных класть на верхние этажи, где больше света и солнца, но вскоре отказались от этого, так как артобстрелы и бомбежки не позволяли нам опускать раненых в бомбоубежище. Частые тревоги изматывали и раненых, и персонал. По эвакуации раненых работали все без различия звания и занимаемых должностей.

В госпиталь 18 раз попадали снаряды. Был разрушен клуб, столовая, операционная. Раненые, вернувшиеся из окопов живыми, погибали у нас от осколков. Из персонала по-

гибли две медсестры. Негде было кипятить шприцы, их держали в растворе тройчатки, но у нас не было осложнений. У раненых были вши, но тифом никто не болел.

В ночь с 31 декабря на 1 января 1942 г. был мороз –30 градусов. Люди простояли в очереди за хлебом и не получили его.

Воду люди таскали с Невы, Фонтанки и каналов. По карточкам талоны не всегда отоваривались. Рабочие получали 250 гр. хлеба, дети и иждивенцы по 125 гр. В хлебе было много добавок, только муки в нем было очень мало. Нам в госпитале выдавали по 300 гр. хлеба. Чаще давали по три сухаря. Я съедала полтора сухаря, а другую часть оставляла. Когда меня пускали в увольнительные, я относила сбереженный хлеб сестре и снохе с ребенком.

Больше всего радовались после прорыва блокады в январе 1943 г. К 23 февраля мы смогли помыть раненых, а кому не хватало воды, переодели в чистое белье и всем сменили постельное белье. На десерт дали по горстке мороженой клюквы. О том, что будет прорыв блокады, мы догадались по очень большому наплыву раненых. К нам в госпиталь за сутки поступило более 600 человек. Помню один эпизод. Я шла в увольнение. Родные жили в заневской части города. Была объявлена тревога, я пережидала ее в убежище и когда, наконец, подходила к жилью родственников, увидела огромное пламя пожара. Даже теперь, спустя много лет, я вижу жуткую картину и слышу крики о помощи. Городской транспорт не работал. Повсюду приходилось ходить пешком в любую погоду [17, л. 34—35].

«Мы не собирались выезжать из Ленинграда...»

Воспоминания Ветковской Валентины Михайловны (в девичестве Додиной) 6.06.1920 года рождения, уроженки города Ижевска, во время войны — студентки Ленинградского текстильного института, проживавшей в Ленинграде на углу ул. Гоголя и Кирпичного переулка

Как сейчас помню день 22 июня 1941 г. Утро... Когда диктор по радио сообщил о вероломном нападении Гитлера на нашу страну, с гневом и болью выступали трудящиеся Ленинграда и все, кто мог, пошли защищать нашу Родину.

Мужчин почти не осталось. Еще свежи были раны после Финской войны (в нашем институте не все студенты вернулись с этих боев).

Но никто из нас не думал, что война будет такой затяжной, и мы не собирались выезжать домой в те суровые дни.

Чем могли, помогали и стояли на защите Ленинграда. Немного работали на заводе, красили внутреннюю часть крыш противопожарной жидкостью, а в июне-августе копали окопы на подступах к городу. Там дошли тогда до города Кингисепп.

Было нас там несколько тысяч (вот так, как показывают в кино).

Было тяжело смотреть, когда мы шли к Кингисеппу мимо сожженных деревень. Нам попадались стада коров, обозы с детьми и стариками.

Мы посещали этот город, но он был мертв. Окна заколочены, ни одного жителя: кто в партизаны ушел, кто на фронт.

И вот через несколько дней окопных работ в 5 часов утра раздается команда: «Срочно покинуть это место!» В лесу высадились десантники. Мы захватили какие были продукты, чтобы не досталось врагу, и побежали к станции железной дороги.

Бежали лесом, т.к. с воздуха нас обстреливали с самолетов. Стали встречаться воронки от бомб и убитые. Станция была разрушена бомбой. Все станции были разбомблены. Мы добежали до Ораниенбаума, отсюда уже приехали поездом в Ленинград.

Для студенток срочно были организованы курсы медсестер приказом № 339 от 19.09.1941 г., и мы начали работать в госпитале.

До слез жалко было смотреть в лица раненых солдат, и особенно мне запомнился обожженный летчик Кузнецов. Руки его, если их так можно было назвать (это были куски обожженного мяса), лежали в специально сделанных по форме рук лотках.

Лицо тоже было все обожжено, и только глаза смотрели на нас с болью и горечью за случившееся с ним.

Нам, студентам, нелегко было в эти дни. Денег у нас не было. Переводы из дома сюда не доходили.

Мы стали донорами. За сданную кровь нам давали немного денег. Обстановка в городе была беспокойной.

Начались обстрелы, а 4 сентября упала первая бомба. 8 сентября сгорели продовольственные склады, на город было сброшено несколько тысяч зажигательных бомб. Горели склады так, что весь Ленинград был озарен этим пламенем. Ночью было светло, как днем. Бомбы попали в зоосад, и рев раненых зверей был очень отчетливо слышен.

Когда бомба попала в рядом стоящий с нашим дом (угол ул. Гоголя и Кирпичного переулка), мы перешли жить в общежитие при текстильном институте им. С. М. Кирова. В этом институте я училась с 1938 г. после окончания 10 классов в школе № 30 г. Ижевска.

Комнаты, где мы спали, были холодные. Стены покрыты куржаком толщиной с ладонь. Спали под матрасами, не раздеваясь. Ну, а когда нас покинули силы, мы с трудом один раз в день выходили на улицу, чтобы выкупить 125 граммов хлеба (скорее, он был похож на жмых). «125 блокадных грамм с огнем и кровью пополам».

Много жителей города погибли в эти дни от голода и бомбежки. Умирили в домах и на улицах. И можно было видеть, как несколько трупов складывали на санки, впрягались в них несколько обессиленных человек и везли на окраину города.

И только тогда, когда открылась ледовая дорога через Ладожское озеро, «дорога жизни», многие ленинградцы были спасены от голодной смерти.

Началась эвакуация населения, и нас, студентов, 12 февраля 1942 г. повезли поездом к Ладожскому озеру. Но мы не доехали. Дорогу разбомбили. Трое суток сидели в вагонах, пока не восстановили пути.

А потом по Ладоге на машинах... К счастью проехали благополучно, а ведь некоторые машины обстреливали, и они уходили под лед. Так поездом от Ладоги нас привезли в г. Иваново. Ехали мы до Иваново 20 дней. Несколько человек по дороге умерло. В Иваново мы работали на текстильной фабрике полтора месяца, пока не окрепли. Здесь я похоронила свою подругу Валю Федорову.

Потом нас повезли в Ташкент. Говорили, что там студенты текстильного института продолжают учебу. По дороге я с трудом уговорила руководителя нашей группы, чтобы мне выдали на пути эваколист (без него ехать было невозможно). Я хотела заехать в Ижевск и дала слово, что потом поеду в Ташкент. До Ижевска от Иваново я добралась снова за 20 дней.

О лишениях в пути и сейчас тяжело вспоминать, а еще тяжелее обо всем пережитом в блокадном Ленинграде.

В Ижевск я добралась в мае 1942 г. Только перешагнув порог родительского дома, я упала и пролежала на печке полтора месяца. (Было такое сильное потрясение от всего.)

А когда я встала на ноги, я узнала, что в нашем городе находится Московское высшее училище имени Н. Баумана. Его эвакуировали из Москвы. Меня приняли на третий курс, и я окончила его уже в Москве после Победы в 1945 г.

Меня направили по распределению на Машиностроительный завод в Ижевск, где я проработала 30 лет и ушла на пенсию в 1975 г. с должности главного сварщика завода [17, л. 20—22].

Заключение

Таким образом, перед нами предстают наиболее яркие впечатления жителей Ленинграда о блокадном времени. Поскольку воспоминания были зафиксированы лишь через много десятилетий после завершения Великой Отечественной войны, можно не сомневаться в том, что именно они оказались самыми яркими, поскольку врезались в память на всю жизнь. Приведенная палитра мемуаров рисует нам разнообразную картину повседневной жизни блокадников во время героической обороны Ленинграда или эвакуации из города. Они описывают быт, учебу, трудовую деятельность респонденток. Несмотря на относительно большой разброс в их возрасте (более десяти лет), особых отличий в мемуарах нельзя заметить. Да, по объему воспоминания самой молодой из них — М. В. Тимофеевой — меньше, но объясняется это, по-видимому, тем, что записывались они в телефонном разговоре. Подобное говорит о том, что уже десятилетние дети остро переживали и хорошо запомнили весь ужас и все тяготы блокады. В целом представленные документы личного происхождения дополняют наши представления о героическом периоде в отечественной истории и могут использоваться в качестве источника по истории Великой Отечественной войны.

Список использованных источников и литературы

1. Блокада Ленинграда глазами детей и подростков: социокультурный аспект / сост. Н. И. Богомазов, И. В. Петров, О. В. Пржигодзкая (отв. сост.), Г. Л. Соболев (отв. ред.), Е. А. Тарасова, М. В. Ходяков. СПб. : Первый класс, 2019. 354 с.
2. Дети и блокада. Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы. СПб. : Вести, 2000. 179 с.
3. Магаева С. В. Библиография публикаций мемуаров ленинградских блокадников. М. : Совет Московской организации Общества ветеранов — жителей блокадного Ленинграда, 2013. 122 с.
4. Осипова Н. Зачем у России крадут самое страшное воспоминание [Электронный ресурс]. URL: <https://gia.ru/20210930/blokada-1752386272.html> (дата обращения: 24.01.2022).
5. Побратимы: Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается. М. : Политическая энциклопедия, 2019. 951 с.
6. Пожедаева Л. Война, блокада, я и другие: мемуары ребенка войны. СПб. : Каро, 2013. 416 с.
7. Потемкина М. Н. Эваконаселение в уральском тылу (1941—1948 гг.). Магнитогорск : Магнитогорский гос. ун-т, 2006. 264 с.
8. Синова И. В. Война и блокада в памяти детей Ленинграда // Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой победы) : материалы междунар. науч. конф., Пушкин, 12—14 марта 2015 г. / под общ. ред. В. Н. Скворцова. Пушкин : Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2015. С. 250—253.
9. Синова И. В. Воспоминания детей о блокаде Ленинграда как исторический источник // Судьба детей военной поры: документы, воспоминания, историография : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне / науч. ред. А. В. Третьяков. Курск : Участок оперативной полиграфии, 2015. С. 115—118.
10. Смирнова Л. В., Уваров С. Н. Эвакуация жителей Ленинграда и Ленинградской области в Удмуртию в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4, № 2. С. 26—34.
11. Смирнова Л. В., Уваров С. Н. Эвакуированные ленинградцы в Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны (численность, размещение, трудовая деятельность) // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 93—102. DOI: 10.51255/2311-603X-2016-00049.
12. Сутулов А. Мечтали о победе и тепле // Удмуртская правда. 1999. 27 янв.
13. Уваров С. Н. Детские воспоминания о блокадном Ленинграде в материалах Центрального государственного архива Удмуртской Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2021. Т. 20, № 2. С. 258—269. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-2-258-269.

14. Уваров С. Н. «Мы рыли окопы»: воспоминания М. А. Андреевой о блокадном Ленинграде и эвакуации // Регионы России в военной истории страны : материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., Йошкар-Ола, 17—18 ноября 2021 г. Йошкар-Ола : Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, 2021. С. 372—377.

15. Уваров С. Н., Репников Д. В. Эвакуированное население в Удмуртской АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2016. Т. 26, № 1. С. 112—120.

16. Школа жизни. Воспоминания детей блокадного Ленинграда. М. : АСТ, 2014. 224 с.

17. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-1703. Оп. 1. Д. 25.

Поступила в редакцию 25.01.2022

Уваров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия

Российская Федерация, 426069, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Студенческая, 11

E-mail: sergey.uvarov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6451-9245

UDC 94(470.23-25)“1941/44”

S. N. Uvarov

Unpublished blockade memoirs of Leningrad residents from the fund of Nina A. Korolyova

The final part of previously unpublished blockade memories from the fund of Nina Aleksandrovna Korolyova, stored in the Central State Archive of the Udmurt Republic (fund R-1703), is given. During the Great Patriotic War, N. A. Korolyova lived in besieged Leningrad, and after her graduation ended up in Izhevsk. Being an active member of the Council of Veterans, she in 1998—1999 recorded the impressions of the war time preserved by former countrymen. The final selection includes the memoirs of six residents of Leningrad. The oldest of them was born in 1920, the youngest was born in 1931. Their authors share their feelings from the beginning of the blockade, convey the details of their daily lives during it. The memoirs tell about the survival strategies of the families of the respondents. The blockade survivors describe their work activities, from which we can conclude about their contribution to the Victory. The data on lifting the blockade look quite emotional. A number of memoirs contain details about the evacuation from Leningrad to the mainland and further to other cities. These documents of personal origin, in line with the history of everyday life, expand our knowledge about the Great Patriotic War, in particular about the blockade of Leningrad. The published memoirs complement those already known and will help resist attempts to rewrite history.

Key words: Great Patriotic War, memoirs, history of everyday life, blockade of Leningrad, evacuation, children of war.

Uvarov Sergey Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor

Izhevsk State Agricultural Academy

Russian Federation, 426069, Republic of Udmurtia, Izhevsk, ul. Studencheskay, 11

E-mail: sergey.uvarov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6451-9245

References

1. *Blokada Leningrada glazami detei i podrostkov: sotsiokul'turnyi aspekt* [Blockade of Leningrad through the Eyes of Children and Adolescents: A Sociocultural Aspect]. St. Petersburg, Pervyi klass Publ., 2019. 354 p. (In Russian)

2. *Deti i blokada. Vospominaniya, fragmenty dnevnikov, svidetel'stva ochevidtsev, dokumental'nye materialy* [Children and blockade. Memoirs, fragments of diaries, eyewitness accounts, documentary materials]. St. Petersburg, Vesti Publ., 2000. 179 p. (In Russian)
3. Magaeva S. V. *Bibliografiya publikatsii memuarov leningradskikh blokadnikov* [Bibliography of publications of the memoirs of the residents of besieged Leningrad]. Moscow, Sovet Moskovskoi organizatsii Obshchestva veteranov — zhitelei blokadnogo Leningrada Publ., 2013. 122 p. (In Russian)
4. Osipova N. *Zachem u Rossii kradut samoe strashnoe vospominanie* [Why Russia is robbed of the most terrible memory]. Available at: <https://ria.ru/20210930/blokada-1752386272.html>. Accessed 24.01.2022. (In Russian)
5. *Pobratimyy: Regionam, prinyavshim zhitelei blokadnogo Leningrada, posvyashchaetsya* [Brothers: Dedicated to the regions that welcomed the inhabitants of besieged Leningrad]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2019. 951 p. (In Russian)
6. Pozhedaeva L. *Voina, blokada, ya i drugie: memuary rebenka voiny* [War, blockade, others and me: memoirs of a child of war]. St. Petersburg, Karo Publ., 2013. 416 p. (In Russian)
7. Potemkina M. N. *Evakonaselenie v ural'skom tylu (1941—1948 gg.)* [Evacuation population in the Ural rear (1941—1948)]. Magnitogorsk, Magnitogorskii gos. un-t Publ., 2006. 264 p. (In Russian)
8. Sinova I. V. *Voina i blokada v pamyati detei Leningrada* [War and blockade in the memory of the Leningrad children]. *Voennaya istoriya Rossii: lyudi i sobytiya (k 70-letiyu Velikoi pobedy): materialy mezhdunar. nauch. konf., Pushkin, 12—14 marta 2015 g.* [Military history of Russia: people and events (to the 70th anniversary of the Great Victory). Proceed. of the Internat. sci. conf., Pushkin, March 12—14, 2015]. Pushkin, Leningradskii gos. un-t im. A. S. Pushkina Publ., 2015, pp. 250—253. (In Russian)
9. Sinova I. V. *Vospominaniya detei o blokade Leningrada kak istoricheskii istochnik* [Memories of children about the siege of Leningrad as a historical source]. *Sud'ba detei voennoi pory: dokumenty, vospominaniya, istoriografiya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [The fate of children of wartime: documents, memoirs, historiography. Proceed. of the Internat. sci.-pract. conf., dedicated to 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. Kursk, Uchastok operativnoi poligrafii Publ., 2015, pp. 115—118. (In Russian)
10. Smirnova L. V., Uvarov S. N. *Evakuatsiya zhitelei Leningrada i Leningradskoi oblasti v Udmurtiyu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The evacuation of the residents of Leningrad and Leningrad region in Udmurtia during the Great Patriotic War]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 26—34. (In Russian)
11. Smirnova L. V., Uvarov S. N. *Evakuirovannyye leningradtsy v Udmurtskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (chislennost', razmeshchenie, trudovaya deyatel'nost')* [The evacuation of the population of Leningrad in Udmurtia during the Great Patriotic War (the number, placement, labor activity)]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2016, no. 3, pp. 93—102. DOI: 10.51255/2311-603X-2016-00049. (In Russian)
12. Sutulov A. *Mechtali o pobede i teple* [Dreamed of victory and warmth]. *Udmurtskaya pravda*, 1999. Janv. 27. (In Russian)
13. Uvarov S. N. *Detskie vospominaniya o blokadnom Leningrade v materialakh Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Udmurtskoi Respubliki* [Children's Memories of the Leningrad Blockade in the Materials of the Central State Archive of the Udmurt Republic]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii — RUDN Journal of Russian History*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 258—269. DOI: 10.22363/2312-8674-2021-20-2-258-269. (In Russian)
14. Uvarov S. N. *“My ryli okopy”*: vospominaniya M. A. Andreevoi o blokadnom Leningrade i evakuatsii [“We dug trenches”: M. A. Andreeva's memories of besieged Leningrad and evacuation]. *Regiony Rossii v voennoi istorii strany: materialy III Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf., Ioshkar-Ola, 17—18 noyabrya 2021 g.* [Regions of Russia in the military history of the country. Proceed. of the III All-Russia (with Internat. participation) sci.-pract. conf., Yoshkar-Ola, Nov. 17—18, 2021]. Yoshkar-Ola, Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii im. V. M. Vasil'eva Publ., 2021, pp. 372—377. (In Russian)
15. Uvarov S. N., Repnikov D. V. *Evakuirovannoe naselenie v Udmurtskoi ASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Evacuated population in the Udmurt ASSR during the Great Patriotic War]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya — Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 2016, vol. 26, no. 1, pp. 112—120. (In Russian)
16. *Shkola zhizni. Vospominaniya detei blokadnogo Leningrada* [School of Life. Memoirs of the children of besieged Leningrad]. Moscow, AST Publ., 2014. 224 p. (In Russian)
17. *Tsentrал'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki* [Central State Archive of the Udmurt Republic]. F. R-1703. Op. 1. D. 25.